
ПОЛИТИКА ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИВАТИЗАЦИИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ: ПАРТНЕРСТВО И БРАК В РОССИИ

Л.Л. Шпаковская

Статья посвящена анализу политики в отношении гражданского брака как инструмента политики нормализации и институциализации семейных отношений. Рассматриваются изменения политического восприятия гражданских браков в советское и постсоветское время в контексте трансформаций отношений между государством, обществом, семьей и гендером. Исследование тенденций индивидуализации и приватизации интимной сферы отталкивается от концепции деинституциализации семейной жизни. Работа основана на анализе официального дискурса в отношении семьи и гетеросексуальных партнерских союзов, а также интервью о смыслах и практиках семьи, брака и родительства с молодыми людьми, состоящими в зарегистрированных и незарегистрированных союзах. Обращение к двум видам данных позволяет автору заострить внимание на существующих противоречиях между повседневными смыслами партнерства, связанными с индивидуализацией частной жизни, и консервативным официальным дискурсом.

Ключевые слова: социальные институты, семейная политика, брак, партнерство, повседневные смыслы

Социологи и демографы обращают внимание на то, что распространение незарегистрированных союзов и толерантное отношение к ним в постсоветское время стало одним из показателей изменений гендерного порядка в этот период [Богданова, Щукина, 2005; Вовк, 2005; Захаров, 2006]. Исследования партнерств в России обычно фокусируются на степени их распространенности, восприятии гражданских браков обществом и самими участниками незарегистрированных союзов. Эти исследования уделяют мало внимания социальной политике или полностью игнорируют её роль в изучаемой проблематике. Целью данной статьи является анализ изменений политического восприятия гражданских

браков в контексте трансформации отношений между государством, обществом, семьей и гендером. В качестве источников в статье используются законодательство и программные документы правительства РФ по вопросам семьи и демографии, а также стенограммы парламентских слушаний Государственной думы РФ за 2005–2012 годы. Кроме того, анализу подвергнуты данные интервью, проведенные с участием автора в рамках ряда социологических исследований¹. Несовпадение смысловых значений партнерства в обыденном сознании и в официальном дискурсе указывает на ряд проблем современной демографической и семейной политики.

Брак vs партнерство: семейные отношения и политика государства

Исследователи социальной политики постсоциалистических обществ обращают внимание на то, что семья и гендер выступают пространством утверждения государственной власти [Gal, Kligman, 2000; Read, Thelen, 2007; Розенхольм, Савкина, 2009]. Мишель Ривкин-Фиш, анализируя дебаты вокруг демографических проблем в России, показывает, как государственная власть и гражданство создаются и трансформируются в борьбе по поводу значений гендера и семьи. Она демонстрирует, что официальная риторика демографических проблем, заботы о женщинах и семье была способом легитимации политической власти в 2000-е годы [Rivkin-Fish, 2010].

Феминистски ориентированные аналитики указывают и на то, что семья представляет собой идеологический и управленческий концепт, конструируемый социальной, семейной, гендерной политикой [Gittins, 1993]. Эти направления политики в Европе в основном исходят из определенной нормативной модели семьи как нуклеарной. Однако инструменты семейной политики, налогообложения, жилищной политики, политики кредитования и занятости в скандинавских странах в большей степени ориентированы на равное включение мужчин и женщин в оплачиваемую и неоплачиваемую работу, чем в странах с либеральными традициями социальной политики [Lewis, 2009. P. 7–8]. Аналитически важно

¹ В данной статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения следующих проектов: «Молодые семьи в столице и провинции в условиях экономического спада» (ЦМИ, НИУ ВШЭ, РГНФ; 2009–2011) и «Родительство в современной России: политика, ценности и практики», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0017. В рамках этих двух проектов собрано около 100 интервью с жителями двух городов – Санкт-Петербурга и Ульяновска в возрасте от 18 до 45 лет. Критериями формирования выборки выступали классовая принадлежность (уровень образования и характер труда); maritalный статус (состоящие в зарегистрированных и незарегистрированных союзах, одинокие); детность (наличие/отсутствие детей, их количество и возраст); гражданская позиция (участвующие и не участвующие в родительских организациях).

также различать институциональную структуру и идеологическое или дискурсивное оформление семейной политики. Например, казалось бы, гендерно-нейтральные инструменты российской семейной политики 2000-х (в частности, использование в законодательстве таких категорий, как «родители», «работники с семейными обязанностями») в контексте консервативной риторики работают на закрепление традиционного разделения гендерных ролей и гендерного неравенства, игнорируя специфические проблемы, с которыми сталкиваются мужчины и женщины в семье и на рынке труда [Rivkin-Fish, 2010. P. 713–714].

Заключение официально зарегистрированного брака является законным или институционализированным действием и законным отношением, кодифицированным и регулируемым государством [Connell, 1987. P. 130]. Политика институционализации определенных типов семейных моделей обычно связана с маргинализацией альтернативных форм семьи и гендера. Например, риторическая ориентация семейной политики в России на «полную» семью приводит к рассмотрению одинокого материнства как проблемного и нежелательного. Кроме того, нормативная семья конструируется как клиент государственных сервисов и потребитель государственных услуг, пособий, льгот и в этом смысле также является пространством реализации государственной власти.

Повседневные значения семьи: Россия в контексте тенденций трансформации интимности

Современные социальные теоретики отмечают, что политике институционализации семьи противостоят процессы деинституционализации семейных отношений [Beck, Beck-Gernshtain, 2002; Cherlin, 2004]. Эти процессы связаны с изменениями в организации близких личных отношений, сексуальности и деторождения, произошедшие в последние десятилетия в России и на Западе [Вовк, 2005; Захаров, 2006; Кузьмина, 2008; Гидденс, 2004; Matysiak, 2009; Seltzer, 2000; Teachman, 2003]. Свидетельствами этих изменений является распространение практики сожительства, гостевых браков (*living together apart*), отложенного родительства, рост числа разводов, увеличение числа людей, сознательно выбирающих бездетность и/или безбрачие. Эти изменения демографы обозначают как второй демографический переход [Van de Kaa, 1987]. Социологи называют их деинституционализацией семейной жизни, связывая их с тенденциями индивидуализации и рационализации современного общества [Бауман, 2008; Бек, 2000; Гидденс, 2004; Luhmann, 1986]. Энтони Гидденс показывает, что брак и семья в западных странах сегодня обрели совершенно иные смыслы, чем 40 лет назад. Брак утрачивает значение формального института, непосредственно связанного с контролем над сексуальностью и деторождением, поддерживаемого традицией

и жесткими правилами гендерного разделения труда. Он перестает быть единственной сферой самореализации и идентификации женщин, все больше вовлекающихся в сферу оплачиваемой занятости, и, что наиболее важно, перестает быть единственной легитимной формой организации интимности. Вместе с тем партнерство является совершенно иным типом интимного союза, связанным с взаимным выбором и представляющим «комплекс взаимодействий, который требует постоянных переговоров и работы над собой» [Гидденс, 2004. С. 36].

Данные тенденции в определенной мере характерны и для России. Сергей Захаров обозначил их как «тихую революцию» середины 1990-х годов, подразумевая под этим целый ряд явлений в области репродукции: от распространения партнерских союзов и повышения возраста вступления в брак до почти полного исчезновения незапланированных беременностей [Захаров, 2007. С. 82–87]. Распространение партнерств в постсоветский период является наиболее видимым показателем этих изменений. По данным переписи 2002 года в России в общем числе заявленных браков 11 % составили незарегистрированные союзы. В период 1989–2002 годов доля рождений вне брака составила 30 % от общего числа ежегодных рождений, и почти половина из них были зарегистрированы по совместному заявлению родителей, что является косвенным свидетельством распространенности гражданских браков [Вовк, 2005]. По данным переписи 2010 года, количество партнерств составило уже 13 % от всех брачных союзов [Всероссийская перепись населения... 2010]. При этом обе переписи зафиксировали, что партнерство является молодежной практикой. Гражданские браки составляют более половины браков в возрастных когортах 16–17 и 18–19 лет.

Гражданские браки несут с собой распространение специфических практик и смыслов супружества, которые можно реконструировать с помощью интервью. Отношение к браку и родительству является классово обусловленным. Так, для городского образованного среднего класса характерны рефлексивные, рациональные и приватизированные установки. Представители этого слоя располагают различными ресурсами, определяющими их высокие шансы на рынке труда и высокие жизненные шансы. Эти ресурсы связаны с образованием (высшее образование, востребованное на рынке труда, знания, позволяющие эффективно искать необходимую информацию), социальным капиталом (связи, родственные отношения, дающие доступ к ресурсам и информации, а также участие в различных реальных и виртуальных сообществах) собственностью (наличие собственного жилья или жилья, полученного по наследству). Используя эти ресурсы, участники исследований из числа образованных горожан имеют широкие возможности планирования своей биографии, определяя время и условия наступления различных событий и этапов жизненного цикла.

Выбор типа интимного союза помещается ими в более широкий жизненный проект, который также составляют карьерные планы, представления о необходимом уровне дохода, жилищных условиях, количестве детей и времени их рождения, предполагаемом уровне жизни и стиле потребления. Респонденты находят аргументы в пользу партнерства как особого типа отношений, дающего преимущества по сравнению с браком. Брак воспринимается как тип союза, отличающийся большей стабильностью и ответственностью, но и позволяющий меньше свободы и возможности расторжения в случае неудовлетворенности качеством отношений. Партнерский союз представляется пространством тестирования отношений, поиска способов решения конфликтов, установления балансов вкладов партнеров на основании их участия в оплачиваемой и неоплачиваемой работе [Шпаковская, 2010]. При этом партнерство, семья, родительство полагаются как глубоко интимные, «неимперативные» категории, связанные с личным выбором, стремлением к самореализации в отношениях с партнером и детьми, желанием ощутить себя свободным и социально успешным человеком [Майофис, Кукулин, 2010. С. 14]. Партнерство становится пространством переговоров, в частности разделение труда в паре довольно часто носит гендернонейтральный характер. Принцип разделения работы по дому в рассказах респондентов представлен как определяющийся ситуацией: «у кого есть время», «кто первый придет с работы» или личными склонностями партнеров: «у кого лучше получается», «я не люблю пылесосить», чем их гендерной принадлежностью.

При этом в рассуждениях о партнерстве, браке и репродуктивных планах довольно редко можно обнаружить смысловые смычки с официальным дискурсом. Большие политические нарративы, например о демографическом кризисе и повышении рождаемости, практически не проникают в речь респондентов [Чернова, Шпаковская, 2010]. Брак осмысливается в прагматических терминах: как легальный статус, который необходим для защиты интересов ребенка, а также интересов одного из супругов в случае непредвиденных, экстраординарных обстоятельств (таких как смерть или болезнь супруга/и). Брак ассоциируется с такими ценностями, как «стабильность», «взаимная ответственность», «приватность». Только с проверенным и «подходящим» партнером возможно официальное заключение брачного союза.

Однако нужно отметить, что партнерства представителей образованного класса являются, как правило, бездетными. Они рассматриваются средой, не подходящей для рождения и воспитания детей, в отличие от зарегистрированного брака. Интервью с детными участниками зарегистрированных союзов показывают, что забота о детях, как правило, связана с традиционным гендерным разделением труда. Партнерство имеет смысл для его участников как подготовительный этап перед вступлением в брак и рождением детей.

Интервью с представителями классов, не имеющих высшего образования и занятыми низкоквалифицированным трудом, показывают ограниченные возможности долгосрочного планирования и часто невозможность организации приватности буржуазного типа в условиях ограниченности ресурсов. Гражданский брак в этой среде оказывается скорее вынужденным состоянием, позволяющим сэкономить или отложить организацию дорогостоящей брачной церемонии. Разделение труда в паре в большей степени гендерно-специфицировано и довольно редко является результатом договора между партнерами. Брак рассматривается само собой разумеющимся биографическим событием, деторождение редко планируется, скорее, определяется спонтанным стечением обстоятельств, которое влечет за собой необходимость регистрации отношений. Изучение нарративов представителей этих классов показывает, что в российском контексте тенденции «трансформации интимности» ограничены – они реализуются в пределах группы образованных жителей крупных городов. Хотя партнерства распространены во всех слоях российского общества, смыслы их различны в разных социальных средах.

Политика нормализации семьи в советском обществе

Современные общественные и политические дебаты о семье, браке, а также легитимных формах организации интимности наследуют советскую риторику по этим вопросам [Журженко, 2008; Rivkin-Fish, 2010]. Традиционализм негативно относится к незарегистрированным союзам, поскольку не считает их семьей, отказывая им также в моральных основаниях для осуществления репродукции. Отложенное родительство, малодетность и одиночество рассматриваются в его рамках как результат «кризиса (традиционной) семьи». Этот дискурс постепенно выкристаллизовывается в советский период и берется на вооружение постсоветскими элитами как определенная форма критики советской гендерной политики.

В России понятие «гражданский брак» ассоциируется с официально незарегистрированными супружескими отношениями. Однако возникает оно в другом смысловом контексте. Впервые оно начинает использоваться в XIX веке для обозначения супружеского союза, заключенного без участия церкви, но зарегистрированного соответствующими государственными органами [Победоносцев, 2003]. Большевицкая политика секуляризации семейных отношений в послереволюционный период придала гражданскому браку прогрессивное значение, сделав его легитимной и широко распространенной формой супружества. Фактически зарегистрированные и незарегистрированные союзы имели сходный статус, о чем может свидетельствовать уравнивание в 1918 году прав детей, рожденных в браке и вне зарегистрированного брака.

Вплоть до 1944 года незарегистрированные союзы оставались законодательно уравниваемыми в правах с браком. Однако с середины 1920-х годов оформляется политика «укрепления семьи» и институционализации традиционной семейной модели, хотя эксплицитная традиционалистская риторика в этот период отсутствует. Идеология семьи как ячейки общества, стабильной единицы, выполняющей политически и социально значимые функции, отдает предпочтение ее нуклеарной форме. Помимо репродукции, на семью возложен ряд таких важных функций, как контроль сексуального поведения, поддержание морального облика граждан, а также внедрение норм бытового поведения. От женщин ожидается совмещение семейных и трудовых обязанностей, а роль мужчины в большей степени связывается с выполнением задач производства, армии, управления [Здравомылова, Темкина, 2007].

В послевоенный период отношение к незарегистрированным союзам меняется. Юридическую силу приобретает только брак, зарегистрированный в отделах ЗАГС и подверженный соответствующей отметкой в паспорте. Лишь такой союз дает супругам право наследования имущества, а мужчинам – установления отцовства. Незарегистрированные союзы полностью дискредитируются. Женщины, родившие ребенка в неофициальном браке, считаются матерями-одиночками. Пропаганда настаивает на том, что статус таких матерей является более низким по сравнению с замужними матерями. То же касается и детей, рожденных вне официального брака. Существенно усложняется процедура развода [Yvert-Jalu, 2008. P. 166–167].

С конца 1950-х годов происходит либерализация семейного законодательства, но факт регистрации брака по-прежнему воспринимается общественным мнением как основное социально приемлемое условие начала сексуальных и супружеских отношений. Штамп в паспорте важен для социальной успешности, является необходимым для служебной карьеры, дает возможность выезда за рубеж. Вместе с тем практики сожительства находят свое место в позднесоветском обществе: не менее 20% мужчин и женщин начали свой первый брак с юридически неоформленными отношениями [Захаров, 2006], а 7,8% детей от общего числа рожденных с 1980 по 1988 год были зарегистрированы по совместному заявлению родителей [Вишневский, 1992. С. 10].

Отношение к официальному и гражданскому браку различалось в социальных слоях. Культурная среда позднесоветского общества дифференцировалась по степени толерантности к партнерству, например, для советской номенклатуры официальный брак и наличие семьи были важным элементом стиля жизни, выступали частью их «морального облика» [Журженко, 2008. С. 182]. Незарегистрированные союзы были в большей степени распространены среди маргинальных слоев, париев, культурных диссидентов или «золотой молодежи» [Чуйкина, 1996; Zdravomyslova, 2002; Козлова, 2005].

Проблематика брачного и сексуального поведения активно дебатруется демографами, социологами, журналистами в позднесоветский период в рамках обсуждения «демографического вопроса». В 1960-х годах демографы обратили внимание на то, что коэффициент естественного прироста населения приобрел отрицательное значение [Захаров, 2007]. Объяснительные модели низкой рождаемости разделились на два полюса. Представители первого из них обращали внимание на тот факт, что домашние дела и работа полный рабочий день мешает женщинам полноценно реализовывать функции производства и воспроизводства. Они предлагали улучшить условия жизни населения и инфраструктуру ухода за детьми для того, чтобы женщинам было проще совмещать обязанности двух типов. Представители второго полюса настаивали на том, что женщинам мешают заняться деторождением эгоистические интересы и потребительство. Эти демографы, социологи и журналисты выступали за пропаганду ценностей семейного образа жизни. В течение 1970–1980-х годов беспокойство по поводу устойчиво низкой фертильности возросло, и в публичных дебатах возобладала ценностная перспектива [Rivkin-Fish, 2010. P. 707–708].

Партнерство в постсоветский период: изменение границ брака?

В постсоветское время практика совместного проживания без регистрации брака начинает восприниматься как нормальная [Богданова, Щукина, 2005]. Среди представителей поколений, родившихся после 1960 года, распространение неформальных союзов приобрело взрывной характер: не менее 25% женщин к 20 годам и не менее 45% мужчин того же возраста не регистрировали брак со своим первым партнером [Захаров, 2006].

Незарегистрированные союзы стали возможными благодаря гражданскому, семейному и финансовому законодательству. Упрощенная процедура установления отцовства для детей, рожденных вне брака, возможность получения родителями социальных льгот и выплат вне зависимости от наличия регистрации отношений, возможность оформления имущества в совместную собственность, заключение договора о совместном проживании – все это давало партнерам инструменты для регулирования имущественных отношений и возможность претендовать на социальные льготы и гарантии. Ряд инструментов семейной политики неявно уравнивал в правах зарегистрированные и незарегистрированные союзы. Например, в Указе Президента РФ «Об основных мерах государственной семейной политики» материнство и детство в качестве объектов государственной заботы замещаются категорией родительства, включавшей и отцовство. Фактически,

категория родительства легитимировала статус отца вне связи его с семейными отношениями [Чернова, 2011. С. 101]. Различные пособия и льготы, связанные с рождением ребенка, стали доступными матери или отцу по факту установления родительства вне зависимости от maritalного статуса. Другие меры семейной политики имплицитно позволяли гражданам рассматривать незарегистрированные союзы как более привлекательные по сравнению с браком. В частности, статус матери-одиночки, утративший негативную моральную оценку [Данилова, 2009], дает дополнительные льготы при оплате коммунальных услуг, устройстве ребенка в детские дошкольные учреждения, а также дополнительные трудовые гарантии.

Семейная политика 1990–2000-х годов носила либеральный характер и с точки зрения содержания политических инструментов была ориентирована на помощь нуждающимся родителям, рассматривала граждан, а не семью в качестве получателей государственной поддержки. При этом семья и частная жизнь граждан находились вне зоны непосредственного интереса и регулирования государства. Между государством и обществом возник «вертикальный общественный договор» [Аузан, 2006], в рамках которого государство и семья существовали относительно независимо друг от друга. Традиционалистская риторика этого периода выглядела как критика советских ценностей, отношений и политик, она требовала восстановления естественного разделения гендерного труда в семье и обществе, «возвращения женщины в семью», утверждения настоящей маскулинности.

Во второй половине 2000-х происходит нарушение сложившегося вертикального общественного договора. Вторжение государства в частную сферу осуществляется в двух направлениях: борьба с нелегитимными интимными союзами и расширение числа политических мер в отношении детства. Инструменты семейной политики приобретают универсалистский характер и фактически адресованы всем гражданам с семейными обязанностями вне зависимости от степени их нуждаемости. Политическая риторика возвращается к использованию объяснительной модели низкой рождаемости как результата утраты ценностей семьи и распространения эгоистических устремлений граждан. Эта риторика призывает восстановить «старинные ценности бережного отношения к семье» [Послание Президента... 2006]. Дискурс кризиса семейных ценностей упакован в дискурс вымирания нации и повышения рождаемости. Усиление роли государства в общественной жизни, таким образом, требует легитимации и находит беспроектный вариант – работа о нации, семье, детях.

В российских медиа наблюдается политизация публичного обсуждения незарегистрированных союзов в рамках проблематики укрепления семьи, решения демографических проблем и повышения

рождаемости. Нормативной моделью супружеских отношений провозглашается официально зарегистрированный брак (а в идеале – осуществленный и по религиозному обряду). Ряд официальных документов, появившихся после 2006 года (Послание Президента РФ Федеральному собранию, 2006; Концепция государственной политики, 2007; Послание Президента РФ Федеральному собранию, 2011), обозначили политический курс на «укрепление семьи» и официально зарегистрированного брака. Так, принятая в 2007 году «Концепция государственной политики в отношении молодой семьи» предлагает ряд мер, направленных на поддержку семьи, которые должны способствовать повышению рождаемости. Помимо прочего, Концепция вводит понятие «благополучной семьи», основными критериями которой являются наличие зарегистрированных брачных отношений и детность. Благополучная семья выполняет ряд политически значимых функций: воспроизводство, воспитание и идеологическую социализацию детей. К ожидаемым результатам реализации Концепции среди прочего относится повышение ценности семьи и семейного образа жизни, что должно найти выражение в «минимизации доли “гражданских” браков в общем числе браков, приводящих к созданию молодых семей» [Концепция государственной политики... 2007].

«Благополучная семья» определяется как нормативная модель, реализации которой должна способствовать государственная семейная и социальная политика. Показательным примером дискурсивного оформления вопроса гражданских браков являются парламентские слушания 5 октября 2009 года на тему «Благополучие российской семьи: законодательные проблемы и пути их решения», во время которых депутатами было признано наличие «кризиса семьи» в российском обществе и необходимости ее поддержки с целью более эффективной защиты прав ребенка. Председатель Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей Елена Мизулина в своем выступлении обратила внимание на существование незарегистрированных союзов, которые, с ее точки зрения, не могут выступать основанием законодательства, направленного на укрепление и поддержку «благополучной семьи» (из выступления Е. Мизулиной на Парламентских чтениях «Благополучие российской семьи: законодательные проблемы и пути их решения», 05.10.2009).

Семья увязывается с репродукцией, традиционным разделением родительских ролей, воспитанием и обозначается как общественная единица, несущая ответственность перед государством за надлежащее выполнение этих задач. Показательно здесь выступление во время парламентских слушаний 16 марта 2012 года депутата Государственной думы от фракции «Единая Россия», первого заместителя председателя комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей Екатерины Семенович: «Семья должна участвовать

в воспитании, должна понимать и нести ответственность за развитие своего ребенка... Только семья способна вытащить Россию из демографической ямы» [Семенова, 2012].

В рамках этого дискурса интимные союзы, не связанные с репродукцией, маргинализируются и рассматриваются потенциально угрожающими государственной безопасности. При этом пропагандистские компании увязывают брак и деторождение с российской государственностью, обозначают их как выполнение государственного долга (например, ежегодная акция «Роди патриота» в Ульяновске, информационные компании, освещающие регистрацию брака в День России).

Политика в отношении брака и семьи носит некогерентный характер на институциональном и дискурсивном уровнях. В инструментальном аспекте эта политика носит либеральный характер, поскольку большинство пособий, выплат и льгот доступны гражданам, имеющим детей, вне зависимости от брачного статуса. Можно назвать ограниченное число институциональных контекстов, в которых официально зарегистрированный брак является необходимым условием для участия или получения поддержки: программы доступного жилья молодежи, программы помощи семьям офицеров, оформление опеки, попечительства, усыновления, получение гражданства, наследование, некоторые региональные выплаты семьям со стажем. При этом общую смысловую рамку институциональных мер в отношении семьи задает консервативный дискурс, который заставляет даже гендерно-нейтральные и индивидуально-ориентированные политические инструменты работать на реализацию традиционалистского взгляда на семью, увязывая ее с официальным браком, традиционным разделением гендерного труда, репродукцией и воспитанием.

Таким образом, если на уровне практик незарегистрированные союзы являются достаточно массовым явлением, то на уровне официального дискурса наблюдается откат в направлении традиционалистского видения гендерных отношений, в котором гражданские браки рассматриваются как явление вредное, угрожающее стабильности семьи и государственной безопасности. Дискурсивная маргинализация сожительств вступает в противоречие с тенденциями индивидуализации, рефлексивности, субъектами которых являются, прежде всего, представители городского образованного среднего класса. Тенденции стремления к личной удовлетворенности брачным союзом, отношениями с партнером/супругом (ой) и ответственности за принятые важные решения входят в противоречие с внешними политическими требованиями официального дискурса относительно брачного и репродуктивного поведения граждан, пропагандирующего зарегистрированный брак и детность в качестве нормативных моделей. Политизация гражданского брака возникает как результат напряженности между консервативным

дискурсом и происходящими сдвигами в организации приватной жизни. «Трансформация интимности», таким образом, происходит внутри определенных социальных слоев, несмотря на официальные призывы к брачности и деторождению.

Список источников

- Аузан А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М.: ОГИ, 2006.
- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Богданова Л. П., Шукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Демоскоп Weekly. № 191–192 // <http://demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit04.php>
- Вовк Г. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // Социальная реальность. 2005. № 1 // http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103
- Всероссийская перепись населения. 2010 // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М., СПб.: Питер, 2004.
- Данилова С. С. Одинокое материнство в общественном мнении // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 138–141.
- Журженко Т. Гендерные рынки Украины: политическая экономия национального строительства. Вильнюс: ЕГУ, 2008.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007.
- Захаров С. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. № 237–238 // <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema08.php>
- Захаров С. Рост числа рождений в России закончился? // Демоскоп Weekly. 2007. № 453–454 // <http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema01.php>
- Захаров С. Трансформация брачно-парнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: сб. аналит. статей / под ред. Т. Малеевой, О. Синявской. М.: НИСП, 2007. Вып 1. С. 75–126.
- Козлова Н. Реконверсия // Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа», 2005. С. 435–470.
- Концепция государственной политики в отношении молодой семьи. М.: МинОбраз РФ, 2007 // <http://mon.gov.ru/work/vosp/dok/3697/>
- Кузьмина К. А. Трансформация моделей семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-

экономических перемен // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 201–216.

Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. № 1–2 (48). С. 6–20.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. М.: Статут, 2003 // <http://civil.consultant.ru/elib/books/16/>

Послание президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации. 10.05. 2006 // <http://forum.littleone.ru/showthread.php?t=5535305>

Розенхольм А., Савкина И. «Роди патриота – спаси Россию!» (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В. В. Путина) // Гендерные исследования. 2009. № 18. С. 266–282.

Семенова Е. Стенограмма заседания Государственной думы РФ 16.03.2012 // <http://transcript.duma.gov.ru/node/3593/>

Чернова Ж. Семейная политика в современной России: «пятый нацпроект» // Человек, сообщество, управление. 2011. № 2. С. 100–113.

Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19–43.

Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986) // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: сб. науч. статей / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. Центр независимых социальных исследований. Труды. СПб., 1996. Вып. 4. С. 61–81.

Шпаковская Л. Л. Гражданский брак в России // Практики идентичности: гендерное устройство: сб. статей / под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Темкиной, О. Ткач. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 27–68.

Beck U., Beck-Gernstein E. Individualization: institutionalised individualism and its social and political consequences. London: Sage, 2002.

Luhmann N. Love as Passion: The Codification of Intimacy. Cambridge: Polity Press, 1986.

Matysiak A. Is Poland Really “Immune” to Spread of Cohabitation? // Demographic Research. 2009. Vol. 21. Article 8. P. 215–234.

Cherlin A. The Deinstitutionalization of American Marriage // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66. November. P. 848–861.

Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Gal S., Kligman G. The Politics of Gender after Socialism: A Comparative Historical Essay. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Gittins D. The Family in Question: Changing Households and Family Ideologies. London: Macmillan, 1993.

Lewis J. Work-Family balance, Gender and Policy. Cheltenham, UK, Northampton, UK: Edward Elgar, 2009.

Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and Renewal of Family Support in Russia: toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital" // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. № 3. P. 701–724.

Read R., Thelen T. Introduction: Social Security and Care after Socialism: Reconfigurations of Public and Private // *Focaal*. 2007. № 50. P. 3–18.

Seltzer A.J. Families Formed outside of Marriage // *Journal of Marriage and Family*. 2000. Vol. 62. № 4. P. 1247–1268.

Teachman J. Premarital Sex, Premarital Cohabitation, and the Risk of Subsequent Marital Dissolution among Women // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65. № 2. P. 444–455.

Van de Kaa D.J. The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations // *Population and Family in the Low Countries* / ed. by G. C. N. Beets et al. Lisse: Zwets and Zeitlinger, 1993. P. 81–126.

Zdravomyslova E. The Cafe Saigon Tusovka: One Segment of the Informal-public Sphere of Late Soviet Society // *Biographical Research in Eastern Europe. Altered Lives and Broken Biographies* / ed. by R. Miller, R. Humphrey, E. Zdravomyslova. London: Ashgate, 2002. P. 141–180.

Yvert-Jalu H. Femmes and famille en Russie d'hier et d'aujourd'hui. Paris: Edition du sextant, 2008.

Шпаковская Лариса Леонидовна

кандидат социологических наук, доцент факультета
социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

электронная почта: lshtpakovskaya@hse.ru и larisa.shpakovskaya@socpolicy.ru
